

УТВЕРЖДАЮ
Ректор
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный педагогический университет»

Кандидат педагогических наук, доцент С. А. Алейкина
«17» марта 2023 г.

460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
8 (3532) 506676

<https://ospu.ru> e-mail: ospu@ospu.ru

Учебная археологическая лаборатория: 8 (3532) 500706 (доб. 293)
e-mail: archaeol_lab@ospu.su

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертационной работе Мимохода Романа Алексеевича на тему: «Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3 Археология.

Диссертация Мимохода Романа Алексеевича посвящена изучению материальной культуры и процессов культурогенеза на территории Предкавказья, Волго-Донского междуречья, Нижнего и юга Среднего Поволжья и Волго-Уральского междуречья в период 2200 – 1800 CalBC. Очерченный регион является восточной частью обитания обширных конгломератов племен, отнесенных автором к блоку посткатакомбных культурных образований. Собственно, основная суть исследования и его потенциал точно отражены в названии диссертации.

Актуальность научного труда не вызывает сомнений. Вопрос выделения археологических культур конца среднего бронзового века, являющихся предшественниками масштабный исторических образований эпохи поздней бронзы (культур колесничного круга, срубной, алакульской), назрел давно. Попытки его решения предпринимались неоднократно, однако они постоянно «спотыкались» о несоответствия между материальной

культурой хорошо изученных образований среднего бронзового века (катакомбных культур и полтавкинской) и перечисленных выше культур эпохи поздней бронзы. С активным внедрением радиоуглеродного датирования четко обозначились и хронологические нестыковки. В то же время для территории Днепро-Донского междуречья и Северного Причерноморья были выделены культуры (днепро-прутская и днепро-донская бабинские), отделяющие местные катакомбные древности от позднебронзовых. Интуитивно было понятно, что у нас отсутствуют знания о каком-то важном, узловом элементе, послужившим фундаментом сложения позднебронзовой эпохи на территории Предкавказья и к востоку от Дона. Разработке и обоснованию этого элемента, а именно культурам посткатакомбного блока и посвящена рецензируемая работа.

Новизна исследования обусловлена его актуальностью. Автором на основе археологического материала доказано выделение новых культурных образований: волго-донской бабинской и невинномысской культур, волго-уральской культурной группы. Предоставлена переработанная информация о выделенной ранее им же в ходе написания кандидатской диссертации лопинской культуре. В исследовании детально проработаны вопросы, являющиеся для изучения археологических культур ключевыми: происхождение, хронология и периодизация, межкультурные связи, дальнейший генезис и развитие. Новой является идея выделения культурного круга Лола, включающего в себя лопинскую и невинномысскую культуры, а также волго-уральскую культурную группу. Раскрыты механизмы взаимодействия культурного круга Лола с культурным кругом Бабино, конкретное содержание которого также доработано с учетом выделения отдельного культурного образования – волго-донской бабинской культуры.

Актуальность, цель и задачи исследования сформулированы Р.А. Мимоходом во «Введении» диссертации. Здесь же определены объект и предмет изучения, очерчены географические и хронологические рамки, охарактеризован объем источниковой базы, описаны исследовательские методы, практическая ценность работы, апробация ее результатов и связанные с ней публикации, а также структура.

В первой главе диссертации автором детально проанализировано развитие посткатакомбной проблематики, насчитывающей почти столетнюю историю. Глава построена по географическому принципу, посвящена изучению посткатакомбных древностей в Предкавказье; в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье. Далее последовательность изложения построена по хронологии разворачивающейся проблематики. Первой главе диссертации соответствует подробное приложение, включающее в себя ссылки на все

комплексы, использованные для написания работы, с указанием года исследования, автора раскопок и сведений о публикации, в том случае, если комплекс был опубликован.

В главах 2–5 характеризуются выделенные Р.А. Мимоходом археологические культуры. Эти главы являются источниковедческим ядром и, по сути, фундаментом рукописи.

Порядок описания археологических культур подчинен определенной логике. Так, в главе 2 описывается единственная выделенная автором культура круга Бабино – волго-донская бабинская. В главе 3 дается описание лолинской культуры – стержневой для культурного круга Лола. В главе 4 характеризуется невинномысская культура. Часть погребальных комплексов этой культуры ранее, в ходе написания кандидатской диссертации, были отнесены автором к лолинской, однако с накоплением источниковой базы ему удалось обосновать наличие еще одного культурного образования. Интересно, что по количеству учтенных захоронений лолинская и невинномысская культуры практически совпадают. Наконец, 5 глава посвящена волго-уральской культурной группе – самому малочисленному, и, на наш взгляд, наиболее самобытному образованию круга Лола.

Главы 2–5 выстроены по схожим схемам, что позволяет с легкостью сравнивать культуры между собой. Для каждого культурного образования дана характеристика территории распространения, погребального обряда, инвентаря, обоснованы периодизация и хронология. В главе, посвященной волго-донской бабинской культуре, есть отдельный параграф о погребениях днепро-донской бабинской культуры в ее ареале. В главе, характеризующей невинномысскую культуру, присутствует параграф, посвященный ее локальным вариантам.

Отметим, что для каждого культурного образования детально охарактеризован погребальный обряд. Описаны типы надмогильных, могильных и внутримогильных конструкций, имеющие особенности в каждой из представленных культур. Выделены обрядовые группы, в основу типологического членения которых положены 3 базовых признака: «могильная конструкция», «ориентировка костяка», «положение рук». Отдельно стоит отметить скрупулезную работу автора с мелкими деталями обряда. Его «визитной карточкой» является анализ размещения костей животных в контексте погребения. Так тщательно, как с данным обрядовым признаком работает Р.А. Мимоход, не работает больше никто. Возможно, данный факт явился следствием того, что посткатакомбные захоронения в большинстве своем безынвентарны. Признак «размещение костей животных

в контексте погребения» позволяет подкреплять культурно-хронологические построения исследователя, а порой и является их основой.

В главах 2–5 подробно описан погребальный инвентарь: объяснено, чем отличаются инвентарные комплексы всех выделенных образований, проведена колоссальная работа по привлечению сопоставительных материалов. В качестве отдельных сюжетов по инвентарю можно отметить анализ костяных и роговых изделий, в особенности, являющихся культурными индикаторами пряжек, гарнитуров украшений. Для волго-донской бабинской культуры значительный интерес представляет исследование по каменным брускам с двумя перетяжками, входящими в набор лучника и служащими для защиты предплечья во время стрельбы.

Периодизация и хронология для каждого из выделенных культурных образований построена, прежде всего, на данных стратиграфии. Для долинской и невинномысской культур выделено 3 этапа существования, для волго-донской бабинской культуры и волго-уральской культурной группы – 2 этапа.

Выделенные этапы подкрепляются анализом обрядовых групп и погребального инвентаря, и, в завершении – результатами радиоуглеродного датирования, что немаловажно, подтверждающими построения автора, обоснованные археологическим материалом.

В заключение анализа глав 2–5 необходимо отметить высокое качество табличного и иллюстративного материала, визуализирующего все авторские построения и выводы. По представленным материалам данные, приведенные в тексте, легко проверяются и сопоставляются между собой.

Глава 6 диссертационного исследования посвящена хронологии блока посткатакомбных культурных образований. Глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе раскрываются линии синхронизации с археологическими культурами Старого Света. Проведен анализ по нескольким географическим направлениям. Установлены кавказская, месопотамская, степная - лесостепная (постшнуровая), европейская, средиземноморская линии синхронизации для этапов ПКБ I, II, III.

Второй параграф посвящен радиоуглеродной хронологии. Данный параграф, важен, в первую очередь с методологической точки зрения. Р.А. Мимоходом собрана максимально возможная база по радиоуглеродным датировкам посткатакомбного блока, включающая 112 значений ^{14}C . Причем необходимо отметить его личный вклад в пополнении представленного банка данных.

В параграфе показаны принципы работы как с АМС, так и с LSC датами. Описана методика формирования базы ^{14}C данных. Определены критерии относительной достоверности. Обосновано, почему в выборку не включаются даты, доверительный интервал которых составляет более 100 лет. Определено понятие «некорректной» даты – таковой считаются значения, крайние рубежи которых (нижние и верхние) при калибровке в 1 сигму отстоят от определяемого интервала культуры более чем на 200 лет. Приведены данные, в какой программе проводилась калибровка и суммирование. Объяснен «эффект лестницы», подтверждающий периодизацию посткатакомбного блока по трем последовательным фазам. В результате анализа всей имеющейся совокупности ^{14}C значений надежно установлено, что границы существования блока посткатакомбных культурных образований находятся в пределах 2200–1800 CalBC.

Важно, что радиоуглеродный метод, подкрепляя археологические данные, подтвердил факт следования посткатакомбных культур за катакомбными, и показал их синхронность с культурами колесничного круга на фазе ПКБ III.

В завершении обсуждения 6 главы отметим, что она дополнена подробными приложениями. В них включено 16 таблиц, в которых содержится полный свод данных не только дат посткатакомбного блока, но и катакомбных, средневожской абашевской культуры, унетицкого культурного круга, культуры колоколовидных кубков, культур колесничного круга. Кроме того, здесь присутствуют синхронистические таблицы, карта с продатированными памятниками, а также графики суммирования.

В главе 7 на основе исследований, проведенных в рамках предыдущих глав, представлена реконструкция *исторических процессов*, происходивших на территории восточноевропейских степи-лесостепи и юга лесной зоны в посткатакомбное время.

Глава 7 состоит из 6 параграфов. Параграфы 1 и 2 раскрывают важнейшие, используемые автором диссертации терминологические понятия – «культурный блок (блок культур)» и «культурный круг (круг культур)».

Параграф 1 посвящен характеристике основных структурных черт сходства всех составляющих посткатакомбного блока, которые и позволили констатировать факт его существования. Р.А. Мимоход выводит определение понятия «культурный блок», основанное как на работах предшественников, так и включающее авторское понимание этого термина. Сформулированы основные признаки культур посткатакомбного блока, включающие в себя: общий субстрат сложения культур, территорию их распространения в степи и лесостепи, замкнутую по периметру единой границей, одновременность

существования, общие признаки обряда и специфический погребальный набор типологически близкого инвентаря, наличие тесных межкультурных связей, сходство краниологических типов, общие климатические условия существования, а также общность исторических судеб.

Во втором параграфе раскрыто понятие «культурный круг», раскрываются концепции культурного круга Бабино и Лола. В целом, структурные черты их сходства обусловлены едиными механизмами происхождения и развития. Факторы, цементирующие между собой культуры внутри одного круга, обособляют культурные круги друг от друга.

Третий параграф посвящен миграциям, культурогенезу и палеоклимату, так как три этих процесса находятся друг с другом в неразрывной связке. Миграции способствовали формированию новых культурных образований. Их причиной, по мнению автора, является смена хозяйственной модели общества, которая, в свою очередь напрямую зависела от происходивших климатических изменений.

Формирование круга Лола обусловила миграция населения с территории Северо-восточного Кавказа в предкавказскую степь. Миграция кавказского населения в степь подтверждается как археологическими, так и краниологическими данными. Так как исходный регион миграции и конечный ее пункт территориально смыкаются, в данном случае имеет место быть *ближнедистанционная миграция*.

Формирование культурного круга Бабино связано с центральноевропейским и восточнокавказским импульсами. Решающую роль здесь сыграла европейская миграция, ее следы отчетливо прослеживаются в погребальном обряде и инвентаре. Краниологические данные не противоречат выводам, сделанным по археологическим наблюдениям. С исходной территории до контактной европейским мигрантами был продел путь длиной около 1500 км, в данном случае речь идет о *среднедистанционной миграции*.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает третий пункт третьего параграфа, рассказывающий о миграционных процессах, приведших к формированию средневожской абашевской культуры. На первый взгляд может показаться, что данный сюжет не имеет прямого отношения к теме диссертационного исследования. Между тем если вникать в проблему более детально, то средневожская абашевская культура, как и культуры посткатакомбного блока послужила одной из основ сложения культур позднебронзовой эпохи. И Средневожское Абашево и культурные круги Бабино/Лола формировались одновременно, в сходных климатических условиях. Таким образом, средневожская абашевская культура и блок

посткатакомбных культурных образований связаны общностью исторических судеб. Бабинские культуры и Средневожское Абашево имеют общую миграционную компоненту сложения, представленную культурами Центральной Европы и Карпато-Дунайского региона, наложенную при этом на различный автохтонный субстрат. Кроме того, абашевская и бабинские культуры развивались на разных географических территориях, что привело к возникновению самобытных культурных образований, которые не увязываются в единый круг.

Кроме того, что автор провел детальное сопоставление археологических материалов средневожской абашевской культуры и европейских культур, он свел воедино и проанализировал базы данных по ^{14}C обсуждаемых культурных образований. Все они в той или иной степени синхронны друг с другом, притом, что наследуемые абашевской культурой элементы зарождаются в Европе однозначно раньше, чем в Поволжье – это еще раз подтверждает участие европейского миграционного импульса в формировании Средневожского Абашева. В случае возникновения Средневожского Абашева, когда «материнская» культура находится не менее чем в 2500 км от «сбежавшей дочери» имеет место быть процесс *дальнедистанционной миграции*.

После описания миграционных процессов автор переходит к характеристике климатической ситуации. Начало посткатакомбного периода на фазе ПКБ I, в пределах отрезка 2200 CalBC, во всем северном полушарии характеризуется резким похолоданием и засухой. Такая климатическая ситуация в скотоводческой среде привела к необходимости поиска новых пастбищ, что и явилось толчком для начавшихся масштабных перемещений населения. Также возникшие экологические условия привели к тому, что в составе посткатакомбного стада начал преобладать МРС (овцеводческая модель скотоводства).

Параграф 4 посвящен металлопроизводству в конце III – начале II тыс. до н.э., в нем раскрываются причины и механизмы упадка Циркумпонтийской металлургической провинции и смены ее на Евразийскую (Западноазиатскую). Смена эпох происходит на фазе ПКБ III (2000 – 1800 CalBC), когда в связи с новым изменением климатических условий на гумидные были сведены до исторического минимума возможности транзита металла из Предкавказья, что способствовало становлению и развитию Волго-Уральского очага культурогенеза, связанного с культурами эпохи поздней бронзы.

В параграфе 5 раскрывается геополитическая ситуация в финале средней – начале поздней бронзы. По сути, данный раздел является очерком

по военному делу в посткатакомбном мире. Согласно положению наконечников стрел в погребениях и по следам травматических повреждений реконструируются военные конфликты в среде посткатакомбных племен. Вооруженные столкновения прослежены как внутри одного круга, так и между культурами Лолы и Бабино. Отдельный сюжет посвящен штурму Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сделан вывод о том, что форпост пал в результате атаки культур лолинского круга (лолинской и/или невинномысской) на фазе ПКБ II, сам конфликт происходил внутри посткатакомбного мира. Конфронтация на фазе ПКБ III происходила между представителями бабинских культур и культур колесничного круга в связи с интенсивной экспансией последних в западном направлении.

В завершающем параграфе главы раскрывается роль посткатакомбных культур в генезисе культурных образований эпохи поздней бронзы. Культуры посткатакомбного блока в хронологическом отношении на фазах I и II непосредственно предшествовали культурам позднего бронзового века, а на фазе ПКБ III были им синхронны. В сложении культурных образований поздней бронзы принимали участие как носители лолинских, так и бабинских традиций, причем и те и другие в той или иной степени участвовали как в сложении культур колесничного круга, так и бережновской срубной культуры (по терминологии Р.А. Мимохода – бреженовско-маевской срубной культуры). Важным моментом является частичная синхронизация культур колесничного круга и ранних памятников бережновской срубной культуры. Также как и в предыдущих главах исследования, все выводы автора в 7 главе подкреплены обширным иллюстративным материалом.

В связи с большим объемом диссертационного исследования, а также исходя из того, что многие раскрытые в нем сюжеты переплетаются друг с другом и перетекают из одной главы в другую, мы решили сформулировать замечания и вопросы по прочтенному тексту единым блоком.

Замечания и вопросы:

1) Представленное диссертационное исследование отличает использование обширного терминологического аппарата, принципиально важного для понимания раскрываемой темы. Объяснение используемых терминов разбросано по тексту диссертации (в основном, в 7 главе), причем не всегда оно связано с первым упоминанием. На наш взгляд, в приложении к исследованию не хватает глоссария, в котором можно было раскрыть следующие понятия: культурный блок (блок культур), культурный круг (круг культур), ближне/средне/дальнедистанционные миграции, археологическая культура с перечислением всех составляющих ее признаков (в авторском

понимании этого термина). В глоссарий также возможно добавить названия культур (как полные, так и аббревиатуры) с краткой характеристикой их времени существования и географией распространения. Здесь же расшифровать хронологические периоды (ПКБ I, II, III) с указанием CalBC интервалов.

2) Для нас так и осталось не ясным, почему волго-уральская культурная группа не приобрела статус самостоятельной культуры. С одной стороны, понятна ее малочисленность, с другой – она, как и невинномысская культура, обладает всем необходимым потенциалом для присвоения ей такого статуса. В конечном итоге именно эта группа сыграла решающую роль в формировании одного из масштабных и важнейших образований эпохи поздней бронзы – синташтинской культуры. В качестве пожелания хотелось бы предложить автору, что, если он когда-нибудь переведет волго-уральскую культурную группу в статус культуры, назвать ее, как и все образования круга Лола, по эпонимному памятнику.

3) Предполагаются ли на фазе ПКБ III межкультурные связи между Синташтой, Лолой и Невинномысском притом, что Предкавказье и Волго-Уралье являлись близкими в культурном отношении территориями?

4) По тексту диссертации не до конца понятной оказалась ситуация с некоторыми элементами инвентарного комплекса в синташтинской культуре, по которым предполагается связь с кругом Лола. По данным Р.А. Мимохода, в культурном круге Лола подвески из необработанных створок раковин не известны, здесь украшениям из раковин придавалась округлая форма (Т. 2, стр. 130, 168, 169, илл. 189). Между тем подвески из необработанных створок раковин известны в круге Бабино (Т. 2, стр. 168, 169, илл. 199). Не понятно, почему автор появление украшений из необработанных створок раковин в Синташте связывает с кавказскими культурами СБВ (т.е. с пратрадцией), а не с синхронными западными культурными образованиями, с которыми могли осуществляться межкультурные связи.

5) Автор научного исследования неоднократно описывает случаи, когда некоторые элементы фазы ПКБ I, минуя II, «всплывают» в культурах эпохи поздней бронзы – это касается, например, костяных гребней или орудий кожевенного производства. Также в Синташте известны шипастые наконечники стрел, имеющие ближайшие аналогии в гинчинской культуре, втульчатые костяные наконечники стрел в покровских памятниках соотносятся с типологически близким изделием из ранненлолинского погребения – т.е. эти артефакты, попадают в позднебронзовые комплексы, также минуя фазу ПКБ II. Чем можно объяснить такой прерывный механизм наследования, проявляющийся через исторический этап?

6) Одним из важных положений защищаемой диссертации являются процессы происходивших миграций на фазе ПКБ I. Существуют ли археологические данные, позволяющие проследить связь у вновь сформированных культурных образований с территорией предков (имело ли место частичное реверсивное движение населения)?

7) На наш взгляд, дискуссионным является утверждение о преобладании овцеводческой модели скотоводства в культурном круге Лола в связи с наступлением гипераридного периода. В работе отмечено, что в связи со скудной кормовой базой засушливых степей разведение крупного рогатого скота становится достаточно сложным процессом. Кроме того, автор высказывает сомнение в способности крупного рогатого скота передвигаться на большие расстояния. Мы думаем, что, несмотря на гипераридный период, в поймах больших и средних рек кормовая база все же была несколько богаче, чем на территориях с обедненными водными ресурсами. Кроме того, корова и лошадь являются исконными жителями степи, которые в диких формах так же обитали на рассматриваемых территориях и являлись мигрирующими животными. Вероятно, племена волго-уральской культурной группы двигались из Предкавказья в Волго-Уралье вдоль Урала и Волги, что и обеспечивало им стабильный запас воды. В поймах этих рек стада лошадей и коров могли выпасаться.

По мнению Р.А. Мимохода, преобладание в стаде овцы подтверждается данными погребального обряда, демонстрирующими высокую семиотическую значимость костей мелкого рогатого скота в захоронениях. Археозоологический материал из погребений при полном отсутствии поселений не может свидетельствовать о преобладании тех или иных видов животных в составе стада. Не отрицая культовый характер лопаток мелкого рогатого скота в могилах культур круга Лола, нельзя исключить и того, что крупный рогатый скот и лошадь не были активно использованы в отправлении культа из-за экономической целесообразности. Забой пары овец всегда легче осуществить без урона основному стаду. Также, исходя из предоставленных данных, в лолинских захоронениях встречаются предметы кожевенного производства: струги из ребер крупных копытных и тупик из нижней челюсти крупного рогатого скота. При активном кожевенном производстве сырье для изготовления стругов и тупиков должно быть доступно в достаточном количестве.

В пользу сохранения маточного стада крупного рогатого скота и лошади у представителей волго-уральской культурной группы, свидетельствует и то, что в хозяйстве генетически связанной с ними синташтинской культуры эти животные начинают преобладать. Процесс

воспроизводства поголовья скота «с нуля», без сохранения маточного стада и навыков по уходу за ним трудноосуществим.

Подводя итог диссертационному исследованию Р.А. Мимохода, несомненно, следует отметить его достоинства. Диссертация выстроена согласно четкому логическому плану. Автор умело работает с картографическим и иллюстративным материалом. Карты выступают важным звеном в системе доказательств. По сути, иллюстративный материал в работе является вторым текстом, основанным на сопоставлении образов. В работе в полной мере реализован потенциал археологических исследований с привлечением всех доступных естественнонаучных методов.

Личный вклад Р.А. Мимохода в изучение культур восточного фланга посткатакомбного мира трудно переоценить. Он является первопроходцем, выделившим и доказавшим как существование самого посткатакомбного периода, как исторического факта, так и связанных с ним культурных образований. Ранее все проанализированные комплексы были разбросаны как во временном, так и в пространственном отношении, автор собрал их и свел в единый культурно-хронологический пласт. Он создал легко проверяемую, максимально полную базу данных, которой можно пользоваться и в дальнейшем, как археологам, так и представителям смежных наук.

Важность для науки и культуры заключается в том, что представленная на защиту диссертация является фундаментальным научным исследованием в области изучения культур конца эпохи средней бронзы на территории Восточной Европы. Результаты, полученные в работе, являются основополагающими для объяснения процессов позднего бронзового века на территории восточноевропейской степи и лесостепи.

Практические рекомендации по применению материалов и выводов исследования заключаются в возможности использования их как базы для развития научных исследований и пересмотра некоторых устоявшихся положений по истории позднего бронзового века. Результаты могут быть положены в основу для написания обобщающих трудов по эпохе бронзы Европы и Кавказа. На основании диссертационного исследования возможна подготовка учебно-методических пособий, спецкурсов по бронзовому веку для студентов исторических факультетов ВУЗов. Иллюстративный материал ляжет в основу сводов и карт археологических памятников, также он полноценно может быть использован для организации музейно-экспозиционной деятельности.

Диссертационное исследование Романа Алексеевича Мимохода однозначно является научным достижением в изучении исторических процессов в период конца среднего – начала позднего бронзового веков, происходивших в Восточной Европе и на Кавказе.

Автореферат в полной мере отражает содержание диссертационного исследования, формирует адекватное представление о его структуре и выводах. Основные положения диссертации изложены автором в 90 научных публикациях, в том числе 4 монографиях и 3 коллективных монографиях. В изданиях, индексируемых в базах цитирования ВАК, Scopus, Web of Science опубликованы 24 статьи. Результаты исследования обсуждались в докладах на конференциях разного уровня.

Диссертационное исследование Мимохода Романа Алексеевича на тему: «Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира» полностью соответствует паспорту специальности 5.6.3 Археология и отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Отзыв подготовлен кандидатом исторических наук, заведующей учебной археологической лабораторией ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» Купцовой Лидией Владимировной.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании учебной археологической лаборатории ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» (протокол № 3 от 17 марта 2023 г.).

Заведующая учебной археологической лабораторией ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
кандидат исторических наук

Л.В. Купцова

И.о. секретаря учебной археологической лаборатории
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
кандидат исторических наук

А.А. Файзуллин

